

— Дело это могу поручить только тебе, другие не справятся, — регистратор Сюй покачал головой. — Во-первых, ты родом из деревни семьи Дин. А твой клан — местная сила: больше сотни дворов, под тысячу человек. Кто посмеет перейти дорогу такому влиятельному семейству? Вдобавок в деревне семьи Ху единственный сючай — твой родной дядя. Твой отец имел военные заслуги, а ты благодаря его памяти унаследовал должность главного тюремщика, твоё имя числится и в Военном министерстве, и в Министерстве налогов. Да и когда господин Ду уезжал, ты поднял такой шум, что тот остался у тебя в долгу. Тебе идти способнее всего. Даже если господин Ма потом обо всём прознает, он и пальцем тебя тронуть не посмеет.

Дин Тянь шмыгнул носом:

— Но зуб он на меня затаит.

— Ну и пусть! Сильному дракону не совладать с местной змеей, — ответил Сюй. Именно этот план он вынашивал весь день. — К тому же я отправлю с письмом Сюй Цзысю, а это покажет моё отношение. Если мы объединимся и выступим против этих двух личных советников, господин Ма будет только рад.

За время службы регистратор Сюй успел изучить характер нового начальника. Тот лишь соблюдал приличия в отношениях с обоими советниками. По большому счёту, деваться уездному судье было некуда — выдающимися талантами он не отличался, и без личных советников остался бы как без рук.

Однако господин Ма панически боялся лишиться власти и оказаться марионеткой в их руках, ведь случись что — отвечать и идти под суд пришлось бы ему самому.

Потому он пользовался их услугами, но втайне держал ухо востро. Не зря Сюй получил место регистратора, а должность помощника уездного судьи так и оставалась вакантной. Она висела перед личными советниками, точно морковка перед носом у двух ослов.

И те, подобно упрямым животным, покорно плелись за этой приманкой.

— Он... пытается соблюдать баланс сил? — догадался Дин Тянь.

— А ты как думал? — Сюй удивлённо покосился на юношу. Надо же, а сын старого Дина не промах. Молод, а зрит в самый корень.

Дин Тянь промолчал. У него в каморке тоже имелись кисти и бумага, но в эти времена письменные принадлежности стоили дорого, и тратить свои запасы попусту он не желал. Пользуясь бумагой и тушью Сюя, он быстро набросал письмо, приложив подробную ведомость налоговых сборов. Закончив, он попросил регистратора поставить свою подпись, дабы подтвердить подлинность расчётов и доказать, что это не пустые наветы. Сюю ничего не оставалось, кроме как написать подтверждение. Кроме того, регистратор подготовил

собственное послание.

Оба письма вручили Сюй Цзысю. Тот отправился в путь в сопровождении юного слуги и небольшого отряда. Хотя эти люди были в гражданском платье, Дин Тянь сразу смекнул: перед ним выученные военные.

Регистратор лишь вскользь упомянул, что они едут в управу по делам, и не стал вдаваться в подробности.

Дин Тянь расспрашивать не решился. Он вежливо поклонился и покинул кабинет.

Вернувшись к себе в тюрьму, где ему предстояло заночевать, Дин Тянь принялся за уборку. За время его отсутствия каморка успела покрыться слоем пыли.

Вскоре к нему заглянул Линь Ци:

— Наконец-то ты вернулся!

— О, зашёл проведать? — Дин Тянь, не прерывая работы, принялся протирать стол.

— Я тут принёс тебе пару вёдер воды, — Линь Ци пришёл не с пустыми руками. Он вылил принесённую воду в кадку.

У каморки Дин Тяня было одно преимущество — собственный колодец с чистой, сладковатой водой прямо во дворе, так что набрать её не составляло труда. Помощь Линь Ци пришлась как раз кстати.

Все в управе знали: пусть этот юный главный тюремщик и заправлял здесь в одиночку, без подчинённых, но чистоту любил до безумия. Тюремные камеры у него сияли ярче, чем караульные помещения служек управы.

Другие порой даже робели сюда заходить, не зная, куда ногу поставить. Пол здесь был выложен аккуратным кирпичом, а зимой застилался плотными циновками.

Новые бамбуковые коврики протирались до блеска, так что служки управы без крайней нужды к Дин Тяню не совались.

Во-первых, место мрачное, а во-вторых — уж слишком у него было прибрано.

Сам Дин Тянь просто поддерживал порядок. Как выглядели здешние казематы раньше, он и не помнил — в памяти не осталось ни следа.

— Слыхал новости, Тянь-эр? Наш новый господин установил новые подати. Неужто нам и впрямь придётся требовать с людей столько зерна? — упавшим голосом спросил Линь Ци. — Боюсь, нас просто палками из деревень погонят.

— Не переживай. Раз уездный судья так решил, значит, у него есть свои соображения, — Дин Тянь начисто вытер стол и вылил оставшуюся воду в котелок. Он сложил туда чашки и плошки, чтобы прокипятить, а заодно решил растопить кан.

Хотя на улице стояла удушливая осенняя жара — время «осеннего тигра», — в нежилом помещении за несколько дней застоялась прохлада, и прогреть постель было просто необходимо.

— Да какие тут соображения! Старики сказывают, что у нас испокон веков одна дань весила сто цзиней. Всегда так считали! А этот приехал — и сразу подавай ему сто двадцать! — Линь Ци возмущённо всплеснул руками.

Лишние двадцать цзиней — это ведь пропитание для целой семьи на несколько дней.

К тому же налог брался с каждого му земли. Земля здесь давала от силы триста цзиней с му, в лучшие годы — четыреста. Выходит, треть урожая сразу уйдёт в казну.

Ещё треть нужно оставить на прокорм семье.

А оставшуюся часть продать, чтобы уплатить налог серебром, да купить соль, масло и уксус. Случись в доме болезнь или невзгода — от этих жалких крох ничего не останется.

— Не нашего ума это дело. Видишь же, регистратор Сюй от таких новостей аж занемог, — Дин Тянь подбросил в печь охапку дров.

Он уже всё прикинул в уме. В эти суровые времена из-за скудного рациона человеку требовалось около тысячи цзиней зерна в год — то есть десять даней. Если му земли приносит три дани, то одна уходит на налоги, одна — на еду, а последняя — на продажу. Чтобы прокормиться, крестьянину нужно возделывать не меньше десяти му земли.

В деревне работающий мужик при наличии тяглого скота мог осилить около двадцати му. Без скотины — от силы пятнадцать, иначе просто надорвётся и сгинет в поле.

При таком раскладе крестьяне едва сводили концы с концами. А уездный судья Ма, судя по всему, привык обирать народ до нитки. Раньше он, верно, знатно набивал карманы, но уезд Бычьего Рога — край суровый и бедный, это ему не сытый юг.

Здесьшний люд не из робкого десятка. Ещё недавно они с оружием в руках отбивали набеги северных варваров, так что при случае вполне могут разукрасить физиономию обнаглевшего

чиновника.

— Ну... я даже не знаю... — протянул Линь Ци, совсем повесив нос.

Сам он как служба управы был освобождён от налогов, но у него оставалась куча родни. Вся округа знала, что он служит в управе. Собирать подати отправят именно их, служек управы, ведь уездный судья сам по деревням не поедет. И тогда... Линь Ци всерьёз опасался, что разгневанные соседи забьют его до смерти.

— Ладно тебе, не вешай нос, — Дин Тянь достал из дорожной сумки свёрток из промасленной бумаги. — Держи, купил в городе жареную курицу. Поешь дома.

— Спасибо, — вздохнул Линь Ци, но даже угощение не прибавило ему бодрости.

Дин Тянь по этому поводу не беспокоился. Он понимал, что регистратор Сюй не позволит судье творить беспредел. Стоило тому надеть глупостей, как Сюй тут же отправил весточку префекту.

Старый регистратор был настоящим лисом.

Он не уехал вслед за господином Ду, а остался здесь. Прежде трудился простым бухгалтером, а теперь получил чин и вошёл в чиновничье сословие.

Если приложит усилия, то со временем сможет занять кресло помощника уездного судьи.

Помощник уездного судьи — чин восьмого класса, фигура важная.

Часто при отсутствии уездного судьи его обязанности исполнял именно помощник уездного судьи.

В богатых провинциях такое случалось редко, но на глухой окраине империи продвижение по службе до уездного судьи было вполне возможным.

Дин Тянь сообразил это только сейчас. В прежней жизни, дежуря по ночам, он частенько читал исторические романы. Пусть он не был историком, но художественный вымысел, как известно, всегда черпает вдохновение из реальности.

На следующий день Дин Тянь отправился на рынок за припасами и столкнулся со вторым дядей. Тот приехал на телеге, чтобы закупить товар для семейной лавки.

Улучив минуту, Дин Тянь шёпотом поведал ему о делах в управе.

— Сколько?! — так же тихо ахнул дядя. — Прежде ведь брали по пятьдесят цзиней с му, а теперь целая дань?!

— У нашего нового господина аппетит отменный, — усмехнулся Дин Тянь и кивнул в сторону небольшой толпы. — Видишь тех девиц? Две самые нарядные служанки — из личных покоев судьи. А рядом с ними кухарки. Посмотри на этих старух: у них в волосах позолоченные шпильки, а у девчонок на запястьях — тяжёлые серебряные браслеты.

— Помнится, у госпожи Ду из ценностей был лишь один золотой гарнитур, — покачал головой дядя. В те времена все местные женщины от зависти локти кусали.

А тут у простой прислуги украшения богаче, чем у прежней супруги префекта!

Сразу видно, что новый уездный судья приехал сюда не порядок наводить, а мощну набивать.

— Но вы не кручиньтесь. Налоги платить нужно, просто делать это надо с умом и побыстрее...
— Дин Тянь склонился к самому уху дяди и зашептал свой план.

Второй дядя выслушал его в нерешительности:

— И... сработает?

— Обязательно сработает!

Спустя три дня после возвращения Дин Тяня уездный судья отдал приказ начать сбор налогов. То, что служек управы для этого не хватало, его не заботило. Он просто требовал доставить зерно и серебро, свалив всю грязную работу на плечи регистратора Сюя.

Сюй от этого назначения помрачнел пуще прежнего.

Однако медлить было нельзя: собранный налог уезд отправлял в управу, откуда провиант распределялся для нужд Северного военного лагеря.

Если снабжение армии сорвётся, полетят головы.

Поэтому регистратор Сюй разослал служек управы к трём старостам трех деревень. Сославшись на нехватку людей в управе, он велел передать деревенским старостам, чтобы крестьяне сами везли зерно и серебро в город. Отправлять служек управы на сбор налогов напрямую было слишком опасно — если народ взбунтуется и откажется платить, господину Ма несдобровать.

Тогда дело примет совсем скверный оборот.

Сюй поступил хитро: новые грабительские нормы сбора он объявил от имени уездного судьи Ма, а вот личную просьбу помочь со сбором разослал от своего собственного имени.

И это сработало. Люди, хоть и кипели от злости на нового судью, к регистратору Сюю относились с уважением и сочувствием. Все понимали: господин Ма трусливо отсиживается в управе, пока Сюй принимает на себя весь народный гнев.

Сельские жители — люди простые, но дураками никогда не были. Их вокруг пальца не обведёшь.

Рано утром, ещё до того как распахнулись городские ворота, сквозь предрассветный туман потянулась вереница гружёных телег. Они двигались к южным воротам. Первой шла повозка второго дяди Дин Тяня, а следом за ней — телега третьего дяди. Их семьи владели самыми большими наделами в округе, а потому и зерна везли больше всех. Серебряный налог начислялся с каждого двора, так что здесь они даже немного выигрывали — для их доходов сумма была вполне подъёмной. Вот только зерна требовалось непомерно много.

Когда караульный наконец отпер ворота и выглянул наружу, от изумления у него отвисла челюсть.

<http://bllate.org/book/19387/1997460>